

Ю.В. Розанов, Н.С. Жернова
 Вологодский государственный университет

Н.А. НАЙДЕНОВ В ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена видному представителю московского торгово-промышленного сословия второй половины XIX – начала XX веков Николаю Александровичу Найденову. Его многогранная деятельность в области предпринимательства, культуры и политики рассматривается через призму литературных отражений. В число этих «зеркал» входят мемуары различных лиц, включая воспоминания самого героя, газетная публицистика (А.П. Чехов), исторические исследования (П.А. Бурьшкин), произведения художественной литературы (А.М. Ремизов).

Н.А. Найденов, А.П. Чехов, П.А. Бурьшкин, А.М. Ремизов, купечество, мемуары, декаданс, москвоведение.

Видному представителю московского торгово-промышленного сословия второй половины XIX – начала XX веков Николаю Александровичу Найденову (1834–1905) в литературном плане повезло. Его многогранная деятельность и колоритный образ получили достойное и разнообразное отражение в текстах XX века как документальной, так и художественной природы. Это, прежде всего, автопортрет, мемуары, «составленные» Найденовым в назидание потомству, причем в самом прямом смысле. На титуле помещено ограничительное указание – «Напечатаны для лиц, принадлежащих и близких к роду составителя» [5, ч. 1, с. 1]. Существует в литературе и своеобразный ответ со стороны потомства. Родным племянником Найденова был писатель Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957). Свои сложные отношения со знаменитым дядей, свое понимание исторического значения Найденова Ремизов описал и в раннем автобиографическом романе «Пруд», и в поздних «художественных мемуарах» «Подстриженными глазами» и «Иверень».

Авторитетный справочник «Вся Москва» за 1905 год сообщал, что Николай Александрович был основателем и председателем правлений Московского Торгового банка, Московского торгово-промышленного товарищества и Московского Биржевого комитета, членом Совета торговли и мануфактуры, гласным Московской городской думы, выборным московского купеческого сословия. Вместе с министром финансов С.Ю. Витте он составлял проекты экономических реформ, писал и продвигал законы, касающиеся экономики. К этому следует добавить несколько должностей по линиям церковной и социальной благотворительности и коммерческого образования.

После смерти Найденова были учреждены несколько премий его имени. Одна из них присуждалась «за сочинения в области церковно-исторической древности Москвы и торгово-промышленной истории города». В этой формулировке отражена другая сфера деятельности предпринимателя, выпустившего за свою жизнь свыше 80 изданий по историческим те-

мам. Назовем лишь три его проекта. В начале 1880-х годов Найденов на свои средства заказал качественные фотографии всех московских церквей и выпустил альбом в 4-х томах – уникальное издание по истории Москвы. Известны и другие его начинания по охране памятников древнерусской культуры. Во второй половине 1880-х вместе с московским историком И.Е. Забелиным он собрал, прокомментировал и издал «Материалы для истории московского купечества» в 9-ти томах. Вместе с архивистом И.Н. Никольвым Найденов подготовил и выпустил серию книг, в которых опубликовал материалы по истории древнерусских городов, сыгравших важную роль в деле отечественного предпринимательства, в том числе сборник документов «Устюг Великий» (М., 1883). Причем «председатель московского купечества» поставил дело так, что деньги на эти издания давали те московские купцы, семьи которых происходили из этих городов. Иначе бы он не был предпринимателем.

Далеко не все современники одобряли такие проекты Н.А. Найденова, особенно где сочетались исторические изыскания историка-дилетанта с коммерческой хваткой предпринимателя. В 1884 году А.П. Чехов в своем «многосерийном» фельетоне «Осколки московской жизни» один из «осколков» посвятил историческим работам Найденова. Фельетонист бьет в самое уязвимое место: «Купца Найденова посетила муза истории и показала ему кукиш. От приятной же дамы и кукиш получит приятно, а от музы не только приятно, но и вдохновительно. Муза вдохновила купца Найденова. Он, смекая, соображая и натужась, сел за стол и стал сочинять “Историю известных московских купеческих родов”. (“Родов” здесь надо понимать не в акушерском смысле, а в геральдическом.) На что понадобилась ему эта никому не нужная “история”, не разберет ни черт, ни кварталный... И в чем, желательно было бы знать, будет заключаться эта история? В описании ли Титовки или же в воспевании купеческого благочестия? Во всяком случае подождем и прочтем историю банных веников, мордобитий в “Стрельне”, гривенников за рубль и крас-

ных петухов шагаевской фабрикации. В “историю” попадут не все купеческие роды, а только те, благополучно купечеству отрасли коих внесут г. Найденову по сто целковых – так объявил в своих письмах к купцам новоиспеченный историк. Сторублевка – condition sine qua non. Нет у тебя ста целковых – и в историю не попадешь, хоть бы ты три медали на шею имел, сотню кредиторов по шею вытолкал и пять свиной клоуна Танти съел» [12, т. 16, с. 89]. В своем антикупеческом пафосе Чехов напоминает (чаще выразительными намеками) многие грехи торгово-промышленного сословия, включая и отраженные в анекдотах того времени. В Москве рассказывали, как один из богатых купцов купил в цирке дрессированную свинью за три тысячи рублей и во время кутежа в ресторане велел ее зажарить. Словом, фельетон Чехова в журнале «Осколки» блестящ, остроумен, но вряд ли справедлив, особенно по отношению к культурной работе Найденова.

Деятельность Найденова на культурно-историческом поприще, как считало большинство просвещенных современников, заменяла целый научный коллектив профессиональных историков. В этом неординарном человеке парадоксальным образом уживались предприниматель, биржевик, банкир, общественный деятель, историк, благотворитель и политик. Найденов, как писал историк купечества П.А. Бурыйшкін, всей своей многогранной деятельностью, а особенно «своей жертвенностью или созданием культурно-просветительских учреждений обессмертил свое имя» [3, с. 111]. Все вспоминавшие о Найденове отмечали своеобразную скромность этого человека (если это слово применимо к «биржевому диктатору»), его полное презрение к чинам и званиям. А.М. Ремизов писал: «Он имел все звезды и всех цветов ленты, какими только жалуют людей незнатного происхождения за беспримерные заслуги Отечеству», но при этом не придавал им никакого значения [9, т. 8, с. 291]. Писатель не уточняет, какими именно «звездами» был награжден Найденов. Согласно справочникам, он имел ордена Св. Владимира 2-й степени (1900), Белого Орла (1901), Св. Анны 1-й степени (1896), Св. Станислава 1-й степени (1891). Каждый из орденов давал право на получение потомственного дворянства, но Найденов до смерти оставался купцом *второй* гильдии. В этом был свой особый шик, особая сословная гордость, смысл которой поясняет Ремизов: «Найденовы и их ближайшие всегда выбирали вторую гильдию... В первую гильдию записывались “высочки” и разбогатевшие “дураки”, а домогались дворянства – “идиоты” и холуи из бывших крепостных холуев! – такое сложилось убеждение среди кондового московского купечества второгильдейщиков» [9, т. 8, с. 292]. При всей своей уникальности Найденов не был исключением. В Москве существовал целый ряд купеческих семей со сходными заслугами на ниве бизнеса, благотворительности и культуры: Морозовы, Бахрушины, Третьяковы, Щукины, Рукавишниковы и другие.

По своим мировоззренческим установкам Найденов был консерватором, государственником «поздним славянофилом». В его «белом доме», как вспоминал Ремизов, с незапамятных времен звучали имена Погодина, Самарина, братьев Киреевских, Хомякова,

Аксаковых, Страхова, Забелина. Его ближайшим сотрудником и помощником в научных изысканиях были «последний славянофил», профессор московского университета Н.А. Зверев и историк И.Е. Забелин, привлекались и другие специалисты.

В конце жизни Николай Александрович писал мемуары, две части которых под названием «Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном» он успел напечатать в 1903 и в 1905 годах. Скромность Найденова проявилась и в этом поступке – на титульном листе отсутствует его имя (далее он скромно называет себя «составителем»). Повествование доведено только до конца 1870-х годов, причина этого дипломатически объясняется в предисловии ко второй части: «К воспроизведению в печати воспоминаний о позднейшем не представляется еще возможности, так и при передаче помещаемого в этом выпуске встречалась уже необходимость обходить многое по близости рассматриваемого периода к настоящему времени» [5, ч. 2, с. 2]. (Такой возможности так и не представилось, ибо мемуарист скончался через четыре месяца после выхода из печати второй части своих воспоминаний.) Опасения Н.А. Найденова не кажутся чрезмерными, поскольку одна из главных тем его книги – тот «внутренний гнет», который тяготел над московским торгово-промышленным сословием в 1850–1870-е годы. Многие страницы мемуаров посвящены описаниям различных несправедливостей, притеснений и даже изощренных издевательств, которые практиковали администраторы различных рангов по отношению к купечеству.

Семейно-историческая часть первого выпуска мемуаров основана на многочисленных архивных документах – Найденов, по его свидетельству, работал в московских архивах Министерства юстиции, Духовной консистории и Купеческой управы, а также в архивах учреждений Владимира – консистории и казенной палаты. Из разысканий «составителя» следует, что род Найденовых происходит из села Батыево Суздальского уезда Владимирской губернии. В переписной книге 1710 года упомянут некий крестьянин Василий Михайлов сын по прозвищу Найденов. Прозвание Найденов, как и Богдан (Богом данный), давалось «приемышам и подкидышам», – уточняет мемуарист. Крестьянские предки Найденовых принадлежали к Колосовской шелковой фабрике. Купец первой гильдии П.В. Колосов имел несколько подобных производств. Именно он в массовом порядке обращал крепостных крестьян в фабричных мастеровых.

Дед мемуариста Егор Иванович был переведен в Москву «с помещением его в красильню, при коей он первоначально считался в числе учеников, а впоследствии красильным мастером» [5, ч. 1, с. 8]. Позже он был приписан к купеческому сословию и развернул красильное производство на берегу Яузы, «на пусто-порожном месте, на котором находился лишь большой пруд». Ремизов, внимательно изучивший свою родословную по книге Н.А. Найденова и по семейным преданиям, называл Егора Ивановича Найденовым Первым. В автобиографии 1913 года писатель дополняет информацию о прадеде выразительными «художественными» деталями: «Егор Иванович... большой был охотник и искусник хитрый: любил медведей

травить, петушинные бои чувствовал и обучал птиц пению всякому под орган и разговорам всяким человеческим – скворцы прямо, как люди разговаривали!» [9, т. 4, с. 462]. Егор Иванович не был чужд культуре. По воспоминаниям Ремизова, именно он начал собирать легендарную семейную библиотеку [9, т. 8, с. 134]. Богатейшая библиотека Найденовых была передана Московскому Биржевому комитету, позднее вошла в состав Российской государственной библиотеки.

Из перечня предков, как по прямой, так и по боковым линиям, особо следует выделить Александра Егоровича Найденова (1789–1864) – отца мемуариста и деда писателя А.М. Ремизова. Именно с него, на наш взгляд, в довольно заурядной крестьянско-купеческой родословной появляется, если можно так выразиться, ген настоящей интеллигентности. «Отец мой, – писал Н.А. Найденов, – стремился к достижению целей более возвышенного свойства; обучившись первоначально в приходском училище при церкви Мартина исповедника, он находил недостаточным полученное им таким путем образование; несмотря на скудость тогдашних средств, он для достижения этой цели старался сблизиться с средой образованной, он учился французскому языку, с которым был освоен с весьма достаточной по тем средствам мере; любознательность его имела следствием то, что он с раннего возраста получал “Московские ведомости” и “Русский вестник” (собиравшиеся им и хранившиеся в целости), имея у себя, кроме того, различные вышедшие во 2-й половине XVIII столетия на французском языке энциклопедии и некоторые другие сочинения, равно как и русские издания преимущественно современного серьезного содержания; он любил посещать театр и знал всех выдающихся на этом поприще деятелей; следил за современными происшествиями, ходом военных действий и внешней политикой..., он имел обыкновение записывать все казавшееся ему интересным...» [5, ч. 1, с. 14–15].

Отдельный исторический интерес имеют рассказы Александра Егоровича о Москве 1812 года, ставшие семейными преданиями и фрагментарно отраженные в мемуарах сына, в частности известный эпизод с молодым московским купцом, антигероем Отечественной войны Михаилом Верещагиным, которого генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин, обвинив в распространении «дерзких прокламаций», отдал на растерзание толпе. По словам А.Е. Найденова, вина Верещагина не так велика, даже с учетом обстоятельств военного времени. Он лишь перевел злополучное воззвание Наполеона к князьям Рейнского союза, получив его от детей почтдиректора Ключарева. Верещагин решил не выдавать Ключаревых и принять вину на себя.

Ремизов, приводя этот эпизод в книге «Иверень», существенно расширяет исторический контекст: «Начиная с Ростопчина – у московского купечества с этим московским “поджигателем” свои счеты за растерзанного Верещагина (товарища моего деда) – и кончая Сергеем Александровичем (не любил в Москве этого Троице-Сергиевского ставленника), Москву гнули в “бараний рог”: одно безобразие с Киреевскими, Аксаковыми и Хомяковым – после “Московского Сборника” 1853 г. им запрещено было

печататься...» [9, т. 8, с. 295]. (Упоминание здесь великого князя неслучайно – московский губернатор Сергей Александрович был убит в 1905 году членом Боевой организации партии эсеров Иваном Каляевым, другом Ремизова по вологодской ссылке.)

Другой современный представитель найденовского рода, известный искусствовед М.В. Алпатов (1902–1986), так комментирует трагический конец Верещагина: «Вряд ли Александр Егорович имел понятие о Толстом и об его романах; в то время купцы, даже самые просвещенные, не следили за новинками изящной литературы. Но меня очень радует, что мой предок в своей справедливой оценке этого печального эпизода сошелся с нашим великим писателем» [1, с. 15]. Здесь важна не хронология, а общий пафос высказывания. А.Е. Найденов умер в 1864 году, ровно за год до начала публикации романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

При этом Александр Егорович постоянно и успешно занимался своим основным делом – развивал семейный бизнес, завел ткацко-набивную и шерстепрядильную фабрику, существенно расширил торговлю. У него было семеро детей – Н.А. Найденов, автор воспоминаний, был третьим, а Мария Александровна (1848–1918), в будущем мать А.М. Ремизова, была последним седьмым ребенком. Естественно, что при таком образе мыслей Александр Егорович дал всем своим детям более качественное образование, чем это было принято в купеческой среде. После основательной домашней подготовки все они поступили в училища (мужское и женское) при Петропавловской лютеранской церкви. «В этой школе с правами гимназии учились не только дети московских немцев, но и дети того культурного купеческого круга, о котором Островский не имел никакого понятия», – утверждал с гордостью и даже с некоторым вызовом Ремизов [9, т. 8, с. 53].

Столь благостная картина омрачается тем обстоятельством, что некоторые молодые представители купеческих кланов решительно не желали жить по заветам предков, не принимали мировоззрение и образ жизни старших, «выламывались» из своей среды. В литературе эту поведенческую модель изобразил и распропагандировал М. Горький в романе «Фома Гордеев». Это раннее произведение будущего классика советской литературы Ремизов считал «лучшим, что не может не остаться в русском слове» [9, т. 8, 127]. Среди этих «отщепенцев» встречались будущие писатели и, по моде того времени, писатели-декаденты. Так, например, Иван Рукавишников в тяжелых и мрачных тонах изобразил историю своей семьи, озаглавив ее «Проклятый род». Не миновала эта участь и Найденовых – племянник Николая Александровича «вывел» своих родственников в автобиографическом романе «Пруд», который исследователи литературы назовут одним из первых русских экзистенциальных романов. На двойственную природу произведения обратили внимание уже первые его критики из «дружественного» символистского лагеря. Л.Д. Зиновьева-Аннибал писала в журнале «Весы»: «Роман, если начертить самый скелет его фабулы, до сих пор как будто чисто социологический. Но не в том ли достоинство его, что в социологическом его

теле живет совсем иная душа? Глубокая душа вечных антиномий» [2, с. 85].

«Социологическую» часть сюжета составляет подлинная история Ремизова и его семьи. О своей младшей сестре, матери писателя Ремизова, Н.А. Найденов дает такую справку: «Марья, родившаяся 9 апреля (в 6 ¼ час. утра) 1848 г. ныне вдова, была в замужестве с 9 января 1872 года за московским купцом Михаилом Алексеевичем Ремизовым, умершим 10 мая 1883 г.; у них остались сыновья: а) Николай, б) Сергей, в) Виктор – женатые, и г) Алексей...» [5, ч. 1, с. 14]. Мать писателя, Мария Александровна Ремизова без видимых оснований, ушла от мужа, вполне состоятельного московского торговца, забрав с собой четырех детей. Причина, конечно, была, но слишком интимного свойства. Ремизов назвал «тайну матери» в ранних редакциях романа «Пруд»: «Как-то старший пасынок, Василий, давно ухаживающий за Варенькой (матерью героя. – Ю. Р.) посягнул...» [9, т. 1, с. 307]. Братья Найденовы, конечно, без особой радости приняли сестру и детей, поселили их во флигеле (бывшей красильне) своей усадьбы на берегу Яузы (ныне улица Земляной вал, д. 57), но относились к ним как к приживальщикам. Дети прекрасно чувствовали это отношение и были глубоко им обижены, тем более что часть наследства, полагавшаяся им после смерти отца, досталась Найденовым. Алексей Ремизов закончил Александровское коммерческое училище, которое основал и попечителем которого до конца своих дней был Н.А. Найденов. Ремизов с гордостью пишет: «Перед глазами основателя была образцовая, знакомая ему школа пастора Дикхова – Петер-Пауль-Шуле» [9, т. 8, с. 296]. Описывая свои отношения со всемогущим родственником, писатель подчеркивает его оригинальность. С одной стороны, Найденов требовал от подчиненных ему педагогов возможно более строго экзаменовывать племянника, в результате чего тот не получил по окончании училища вождя звание кандидата коммерции. С другой стороны, дядя предложил племяннику продолжить образование за границей и через некоторое время войти в семейный бизнес, занять в «Найденовском Московском Торговом Банке» такое место..., о котором едва ли мечтает хоть один, кто получил звание «кандидат коммерции» [9, т. 8, с. 297]. Племянник, сам «сделанный из найденовского железа», с гордостью отверг это предложение – «всеми правдами и неправдами увильнул от такой чести». Он поступил вольнослушателем в Московский университет, но проучился недолго – в 1896 году был арестован за участие в студенческой антиправительственной демонстрации. Это событие окончательно рассорило Ремизова со своими богатыми и влиятельными родственниками. Следующие семь лет – это годы тюрьмы и ссылки. Н.А. Найденов не только никак не помог попавшему в беду племяннику, но и строжайше запретил это делать другим членам своего клана. В 1902 году, находясь в ссылке в Вологде, Ремизов получил «отпуск» для поездки к родным. «Н.А. Найденова не видел и, наверное, не увижу. Ограничиваемся взаимными расспросами от других лиц», – писал он своему другу по ссылке П.Е. Щеголеву [7, с. 155].

Интерес Ремизова к дяде объясняется еще и тем, что в это время писатель работает над романом «Огорельшевское отродье» (позднее роман стал называться «Пруд»). Н.А. Найденов послужил прототипом главного отрицательного героя Арсения Огорельшева. Роман создан в идеологии и поэтике декаданса, поэтому присутствие в нем дьявола или его заместителей было просто необходимо. Недаром раннюю фазу русского декаданса исследователи именуют «диаволическим символизмом». «Диаволическое» начало представлено, естественно, в образе Арсения Огорельшева. Уже на первых страницах романа видны inferнальные признаки персонажа: «Сгорбленный... заросший весь, нечесанный весь, Арсений не ходил по-людски, а как-то странно шмыгал..., за плечами же развевались тончайшие крылья, неумоимо рассекавшие воздух, несшие его по его воле. – Антихрист, честное слово, – говаривали фабричные про своего хозяина, – ходить-то путно не может, летает дьявол, сатана рогатая! Правда, что-то зудело в воздухе, когда шел он...» [9, т. 1, с. 33]. При этом множество портретных и бытовых деталей не оставляло сомнения у современников в том, что здесь описан именно Н.А. Найденов.

Одну из основных сюжетных линий составляет противостояние Николая Финогонова (во многом alter ego автора), который постепенно сходит с ума, с дядей, Арсением Огорельшевым, в котором все сильнее проявляются дьявольские черты. В декадентских произведениях эти процессы часто идут синхронно. Обычная схема осложняется тем, что Коля, мучительно страдающий от жестокости, хитрости и мстительности дяди, по-своему любит и уважает его: «Коля давно уже понял, что Арсений – особенный, каких мало, а может быть, и вовсе нет таких, и также понял, что делает Арсений какое-то свое большое дело, от которого зависит не только жизнь города, но и всей России» [9, т. 1, с. 131]. Но по ходу действия эта патристическая тема сходит на нет. Арсений становится воплощением абсолютного зла, оставаясь при этом деструктивным двойником протагониста Николая Финогонова, с которым его связывает чувство любви-ненависти (глава «Бесы служат ему»). В финале произведения уже взрослый Николай в приступе безумия убивает своего дядюшку – «диаволического двойника» и погибает сам.

Роман «Пруд» в первой редакции, как установил О.Г. Сурмачев, Ремизов читал в довольно широкой аудитории в Вологде еще весной 1903 года [11, с. 84–87]. Следующее чтение состоялось в мае 1904 года в Москве, куда писатель приехал нелегально. Среди слушателей были и родные Ремизова, в частности его брат Сергей. Его реакцию, вполне предсказуемую, автор сообщил в письме жене от 30 мая: «Читал 1 часть “Пруда”. Очень Сергей кипятился. Никак не может представить, что это не документ, а мое воображение, отзвук “эмпирической действительности”, как сказал бы Бердяев» [4, с. 246]. Слухи о скандальном романе, вполне вероятно, дошли до Н.А. Найденова, который пристально следил за судьбой взбунтовавшегося племянника. Частично «Пруд» был опубликован в модернистском журнале «Вопросы жизни» в № 4/5-11 за 1905 год, год смерти Н.А. Найденова.

Поскольку прототип скончался 10 декабря, он мог прочитать эту нелюбимую декадентскую «семейную хронику». Позднее Ремизов написал, что дядя умер в Первую революцию «от “возмущения”»: помириться с новыми порядками интеллигентских лодарей¹ и наряженным в золото петербургским придворным “пустоголовьем” он не мог» [9, т. 8, с. 290].

Вновь к образу «Найденова Третьего» писатель обратился через много лет в серии мемуарных произведений, созданных уже в эмиграции. Давно миновала пора русского декадана с его почти обязательной «диаволической» символикой, стерлись из памяти старые обиды и недоразумения, и фигура московского капиталиста Найденова, культуртрегера и патриота, в текстах его племянника стала выглядеть совершенно по-новому. Тем более, что сам Ремизов с годами стал все сильнее ощущать в себе родовые черты своего знаменитого родственника и гордиться этим родством. В 1947 году, давая практические советы поэту и художнику Ю.П. Одарченко, он писал: «Послушайте меня, я Найденовской породы, если и не умею, но чувую, как дела делают» [6, с. 96]. Через два года Ремизов пишет тому же корреспонденту: «Муфтий (ремизовское прозвище И.А. Бунина. – Ю. Р.) путает меня со Шмелевым, он не представляет себе, из какой я культурной семьи, да – миллионеров, но ничего общего с Островскими традициями» [6, с. 99]. Из приведенных цитат видно, что к А.Н. Островскому у Ремизова особые счеты. По мнению мемуариста, великий драматург много способствовал тому, что в русском сознании закрепилось негативное отношение к торгово-промышленному сословию (подробнее об этом см.: [10, с. 48–51]). Глава «Родословие» из книги Ремизова «Иверень» представляет собой вдохновенный гимн во славу Найденова, в котором реальные факты сочетаются со сказочной образностью. Приведем его начало: «Долго живут имена в памяти, когда от человека и звания не осталось. <...> Назову... громкое имя – это мой родной дядя, Николай Александрович Найденов, по прозвищу Батый – “огонь”. Более легендарного человека трудно и вообразить: Найденов. В Сибири, в Средней Азии, а Персии и Китае, среди купцов – наш неунывающий друг Симбад старался – рассказывали о нем сказки. И все его боялись. <...> Без дела на глаза ему не показывайся. Особенно лютовал в праздники: никаких праздников для него не существовало; скрепя сердце, подчинялся Рождеству, Пасхе и другим двенадцатым, но царских дней для него не существовало: “праздники выдуманы лодарями для бездельников”. Сверхъестественной энергии, а дел конца не видно. Говорили, что даже и не спит вовсе, а ест походя и неразборчив: “Обжорный ряд и всякие блинные и шипучие трактиры изобретены свиньями для ослов”. Могу засвидетельствовать, что из его окна во всю ночь до утра не погасал свет» [9, т. 8, с. 289–290].

В поздних мемуарных текстах Ремизов пытается подчеркнуть свое духовное родство со знаменитым дядюшкой и по линии творческого воображения, писательства, даже прямо называет его своим «двойником» уже без всяких дьявольских коннотаций [9, т. 8,

с. 185]. В «Воспоминаниях» Н.А. Найденова, полностью документированных, он находит единственный эпизод мистического характера, редактирует и комментирует его. Дядюшка вспоминал: «Когда однажды мать моя... задремала, то ей представилось, что к ней подошел какой-то старый человек и сказал ей так: “не плач, он (т.е. отец) не умрет, ты проживешь с ним 2.000 дней”; но количество точно она припомнить не могла; помнила лишь, что говорилось о 2 тысячах. <...> Мною это было записано в памятную книжку, а было это ночью с 7-го на 8-е января 1848 года; – со страхом ждал я приближения 2.000-го дня, который наступал с 29-го на 30-е июня 1853 года... Но этот день миновал, и все это некоторым образом забылось; между тем, что же обнаружилось, когда скончалась моя мать (в ночь с 11-го на 12 ноября 1854 года) – тогда пришлось увидеть, что смерть ее последовала *ровно* (выделено Найденовым. – Ю. Р.) через 2.500 дней после того, как она видела приведенный выше сон». Заканчивает московский купец по-шекспировски: «Можно поэтому сказать только то, что существует многое неразрешимое умом человеческим...» [5, ч. 1, с. 81–82].

Ремизов редуцирует бабушкино видение, отбрасывая всю мистическую арифметику, переводит событие в более подходящее для этого сюжета детское восприятие, а неопределенному в претексте «старому человеку» дает имя – Сергей Радонежский. (Биографически это оправдано, поскольку обе семьи совершали традиционные ежегодные паломнические поездки в Троице-Сергиеву лавру.) «... Я верил, что к бабушке перед ее смертью приходил Сергей Преподобный. <...> Только не знал я, один он приходил в белый найденовский дом или с медведем? Конечно, с медведем: от медведя такое тепло... Ясно я видел бабушкину комнату и бабушку, которую в жизни я никогда не видел – она тяжело хворала, рак в груди, доктора отказались! – икак в последнюю ее покинутую минуту идет медведь, лапой приоткрыл дверь, вошел к бабушке, и старичок с ним в схиме, и ей вдруг тепло стало...» [9, т. 8, с. 103].

Но главным для Ремизова был не пересказ и редактирование видения (это делалось почти автоматически, недаром писатель называл свою технику «творчеством по материалу»), а еще одно доказательство своей общности с Найденовым. За Ремизовым с самого начала его литературной деятельности закрепилась репутация выдумщика, мистификатора. Таким же, по мнению писателя, был и Найденов. В доказательство Ремизов ссылается на реакцию родных на его мемуары: «Книга была роздана ближайшим родственникам. Ее почтительно приняли, но у всех было заглазное: “и тут не удержался, сочинил!”» [9, т. 8, с. 103]. Здесь важное значение имеет уточнение «заглазное». В другом месте Ремизов указывает, что «биржевому диктатору» и «известному на Москве “самодуру” вопреки всей вздорности его историй “не смели не верить”» [9, т. 8, 114]. Раз дядюшка прирожденный сочинитель, то следует подыскать ему подходящее место среди знаменитых выдумщиков, вписать его в этот специфический ряд литературных героев: «В его сочинениях не было от Хлестакова и Ноздрева, не было и от “Русских лгунов” Писемского, никакого

¹ Лодарь, по Толковому словарю В.И. Даля, «повеса, бездельник, шатун и плут, гуляка, оборванец».

бахвальства и никакой сноровки “переплюнуть”, им ближе – можно бы назвать Ярика Пришвина в рассказе “Дорогие звери” и Пантелея чеховской “Степи” – чистый вымысел» [9, т. 8, с. 102].

Но и в поздние годы, несмотря на резко поменявшееся отношение Ремизова к дяде в лучшую сторону, определенная двойственность в восприятии сохраняется, что прослеживается в подтексте мемуаров. Наиболее заметна эта двойственность ощущается в «неконтролируемых текстах», т.е. в снах писателя, которые он всю свою жизнь тщательно фиксировал. В военные годы Ремизов дважды видел Найденова во сне, но так по-разному. Первый сновидческий сюжет (в ночь с 30 на 31 июля 1944 года) записан кратко: «Н.А. Найденов. Только он бритый. Я зашел к нему. Он был обрадован: “Я об этом даже не мечтал”, – сказал он». Второй сон (в ночь с 24 на 25 июля 1945 года) более пространный, но суть его легко распознается: «Едем куда-то. С нами секретарша нашего дяди – редко противный голос. Остановились на пороге или, лучше застряли в дверях: мы сидим к какой-то коробке. Входит Виктор (Ремизов), только не такой, а выше и стройней. Секретарша ему выписывает: ввиду “уплотнения”, ваша дочь жить тут не может (а она живет на 3 этаже); а я понимаю – это меня гонят с квартиры» [8, т. 1, с. 111, 219]. О том, что Найденов постоянно присутствует и в сознании, и в подсознании Ремизова, свидетельствует и такой, например, сон с 3 на 4 марта 1947 года: «Затеял переехать временно к Найденовым и вдруг вспоминаю: у меня советский паспорт и я почти слепой» [8, т. 2, с. 212]. Незадолго перед этим писатель получил советское гражданство, т.е. совершил один из самых «левых» поступков своей жизни в эмиграции, что вызвало резкую критику со стороны многих коллег (И.С. Шмелев, И.А. Ильин и др.). Но сновидец боится не их резкости и грубости, а осуждения со стороны давно умершего дяди.

В последний раз Н.А. Найденов публично и ярко заявил о своей правой политической позиции за несколько месяцев до смерти, что также было отмечено племянником. 25 января 1905 года Ремизов сообщил жене: «Н.А. Найденов единственный отказался подписать конституцию, за что теперь на Москве в великой силе» [4, с. 278]. Вероятно, здесь подразумевается наделавшее много шума происшествие на Московском торгово-промышленном съезде. Группа делегатов из числа «молодых прогрессистов» (А.И. Гучков, С.Т. Морозов, П.П. Рябушинский и А.И. Коновалов) высказалась за политические реформы в стране, за

установление конституционного строя. «Биржевой тиран» Найденов просто закрыл съезд, прекратив тем самым и само обсуждение крамольного вопроса. Можно предположить, что одной из сверхзадач ремизовских мемуаров было своеобразное оправдание русского купечества на примере своего знаменитого родственника. Да, Н.А. Найденов «самодур», фантазер, «тиран», консерватор и противник конституции, но он же человек с государственным типом мышления, с большой внутренней культурой, патриот своего города и своей страны. Деятельность его, – подчеркивает Ремизов, – «поистине была петровская» [9, т. 4, с. 462].

Литература

1. Алпатов, М. В. Воспоминания: творческая судьба, семейная хроника, годы учения, города и страны, люди искусства / М. В. Алпатов. – Москва : Искусство, 1994.
2. Аннибал, [Зиновьева-Аннибал], Л. Д. Пруд : роман / Л. Д. Зиновьева-Аннибал, А. Ремизов // Весы. – 1905. – № 9-10. – С. 85–86.
3. Бурыйшкін, П. А. Москва купеческая / П. А. Бурыйшкін. – Москва : Столица, 1990.
4. На вечерней заре : переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. – 1987. – № 6. – С. 237–310.
5. Найденов, Н. А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном : в 2 частях / Н. А. Найденов. – Москва : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1903–1905. – 2 ч.
6. Письма А. М. Ремизова к Ю. П. Одарченко / публикация А. М. Грачевой // Наше наследие. – 1995. – № 33. – С. 93–112.
7. Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. В частях. Ч. 1. Вологда (1902–1903) / вступительная статья, подготовка текстов и комментарии А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. – С. 121–193.
8. Ремизов, А. М. Дневник мыслей : в 3 томах / А. М. Ремизов. – Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2013–2017. – 3 т.
9. Ремизов, А. М. Собрание сочинений : в 10 томах / А. М. Ремизов. – Москва : Русская книга, 2000–2002. – 10 т.
10. Розанов, Ю. В. А. Н. Островский в «снах» Алексея Ремизова / Ю. В. Розанов // Щельковские чтения. А. Н. Островский и современная культура. – Кострома, 2000. – С. 48–51.
11. Сурмачев, О. Г. К вопросу о первом прочтении романа «Пруд» А. М. Ремизовым / О. Г. Сурмачев // Бюллетень Адвокатской палаты Вологодской области. – 2016. – № 1 (34). – С. 84–87.
12. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения : в 18 томах / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1977–1988. – 18 т.

Yu.V. Rozanov, N.S. Zhernova

NIKOLAY A. NAIDENOV IN LIFE AND LITERATURE

The article is dedicated to Nikolay Aleksandrovich Naidenov, a prominent representative of the Moscow commercial and industrial class of the second half of the 19th – early 20th centuries. His multifaceted activity in entrepreneurship, culture and politics is viewed through the prism of literary reflections. These «mirrors» represent memoirs of various people, including the memoirs of the hero himself, newspaper journalism (A.P. Chekhov), historical studies (P.A. Buryshkin) and fiction (A.M. Remizov).

Nikolay A. Naidenov, Anton P. Chekhov, Pavel A. Buryshkin, Aleksey M. Remizov, merchants, memoirs, decadence, moskvovedenie (Moscow studies).